

Вячеслав Сазанович

Отражение

Поэтический сборник

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-1
ББК 84-5
С14

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сазанович Вячеслав

С14 Отражение : Поэтический сборник / Вячеслав Сазанович. —
[б. м.] : Издательские решения, 2023. — 142 с.
ISBN 978-5-0059-7092-3

Отражение... Что может быть прекраснее видеть своё отражение в чьих-то глазах и понимать, что каждая частичка твоего отражения дорогá этим глазам? А если смотрящие на тебя глаза тоже получают своё яркое отражение в твоём взгляде, мыслях, сердце, душе — то это прекраснее вдвойне!

УДК 82-1
ББК 84-5

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Вячеслав Сазанович, 2023
ISBN 978-5-0059-7092-3 © Вячеслав Сазанович, дизайн обложки, 2023

РАССВЕТ

Я неспокоен, весь горю —
Не от болезней неугодных,
А просто мне прижать зарю
К себе так хочется сегодня!

И в солнце ткнуться я щекой,
Себя им сладко согревая,
Как сумасшедший, сам не свой,
Сейчас безудержно мечтаю!

Взлечу! А как иначе быть,
Когда распахнутые крылья
Взывают вверх скорей уплыть,
С земной меня простившись пылью.

Какой рассвет! О, Боже мой!
Как плещет светом он роскошно!
Я прикипел к нему душой!
И оторваться невозможно.

БЕСЕДКА

Я в открытой сию беседке.
Льётся дождь и прохладно чуть.
Лист зелёный дрожит на ветке —
Ходуном его ходит грудь.

А к столбам надо мною тонким
Зонт беседки прилип шатром.
Распыляясь, стучатся звонко
Капли в зонт дождевым хлыстом.

Дом застыл деревенский рядом.
Чередю двойных окón
Опьянённым от влаги взглядом
На забор загляделся он.

У забора вполне степенно,
Как не каждый и пить бы смог,
Пьёт небесную воду сена
Небольшой, но щекастый стог.

Ну, а лист всё дрожит на ветке,
Ходуном также ходит грудь.
Льётся дождь. Я сию в беседке.
И не холодно мне ничуть!

В НОЧЬ, ВРАЗВАЛКУ ИДУ...

Осень, грузно дыша, завершила свой бег.
Ветер бросил скулить, словно раненый пёс.
Над вечерней землёй новорожденный снег
Закружил не спеша под некрепкий мороз.

Прежде слякотных луж блещет хрупко стекло,
Отражая огни столбовых фонарей.
И глазам и душе стало очень светло —
Отвыкают они от дождливых теней.

Укрывает себя свежим пухом земля,
Вяжут шапки гурьбой вдоль дороги дома.
В ночь, вразвалку иду, жизни радуясь я,
И тому, что пришла, наконец-то, зима...

НИ МЫСЛИ, НИ СЛОВА...

Ни мысли, ни слова в моей голове,
Она окончательно стала пустая.
Гляжу, как в высокой душистой траве
Блуждающий ветер следы оставляет.

Сорока летит, а за ней воробей
Охотничью, видно, устроил погоню.
Под солнцем искрится бегущий ручей,
Недавним дождём вдоль дороги рождённый.

Дорога извилистой тонкой змеей
Траву луговую неспешно пронзает.
К ромашке кузнечик прижался щекой
И что-то стрекочет, на скрипке играя.

Рассудок уснул, я внимаю душой
Пространству и звукам прекрасным и чистым.
Стою с головой абсолютно пустой,
В беспамятстве полном — ни слова, ни мысли.

СТАРЕНЬКИЙ ДОМ

В дебрях лесных, перевитых плющом,
Словно в огромном надёжном футляре,
Возле ручья беззаботливо дом
Спал – покосившийся, маленький, старый.

Кем он построен – забыто совсем.
Домику в дебрях так дремлется сладко!
Воздух вдыхая межрёбьем стен,
Пыль он засасывал слоем осадков.

Слоем осадков воздушная пыль
В дом серебром невесомым влетала,
И, как проверенный жизнью костыль,
Дальше держаться ему помогала.

Стёкла исчезли из окон и дверь
Тоже ушла из входного проёма.
Что ж горевать о потерях теперь,
Главное стены есть с крышей у дома.

Крона лесная небесный зенит
В листьях упрятала весь, без остатка.
Дом под листвою так сладостно спит!..
Словно младенец под пледом в кроватке.

СТОЛ

Стол стоит у окна. Над столом тишина
С обезлющенной тьмою повисла.
Повидать, разглядеть неподвижно сполна
Смог за годы он собственной жизни.

Видел он под собой детвору и котов,
И осколки от рюмочек хрупких,
Видел брюки сидящих друзей и врагов,
Босоножки, колготки и юбки.

Ощущал на себе тяжесть громких тостов,
Пироги, самовары, газеты.
Видел ненависть он, видел боль и любовь –
Ну, а как без любви в жизни этой?

Стал свидетелем тайн многочисленных стол,
Не любую доверишь бумаге.
Сколько фраз и речей понаслышался он,
Грязных, чистых – и прочих, и всяких...

Ножки в мраке блестят, упираются в пол,
На столешнице скатерти сетка.
Стол стоит у окна, вроде старенький стол,
Но как в юности – верный и крепкий.

ПРЕДВЕСТНИК СКОРОЙ СТУЖИ

Отбиваясь в ветках струнных
Тополино-серебристых,
Дождь из туч идёт подлунных,
С виду мрачных и нечистых.

Не со зла, а лишь публично,
По дорогам и по крышам
Он стучится нетактично,
Что и спящим даже слышно.

Настоящий, не подделка,
Дождь, предвестник скорой стужи,
Пробегает, словно белка
За орешками, по лужам.

Лето. Август. Но так низко
Туч с дождём несётся стадо,
Что понятно, осень близко —
Не вдали она, а рядом.

ЛИСТОК

Проклюнулся мелкий, всего с ноготок,
Сегодня из почки берёзы листок.
Он липок ещё, молодой, несмышлён,
И с жизнью совсем незнаком ещё он.

Но лист подрастёт, станет зрелым вполне,
И тень от него будет мчаться к земле.
И в этой тени будет свет охлаждаться,
Влюблённые пары желанно встречаться.

Узнает он лето. За летом, чуть позже
Прочувствует холод осенний до дрожи.
И сменит – такой у природы обряд –
Зелёное платье на жёлтый наряд.

Напьётся дождем постаревший листок,
Который был ростом совсем с ноготок.
И бросится вниз, влажным ветром ведомый,
Мечтая весной возродиться он снова.

ИДЁТ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Дни выходные. Идёт воскресенье.
Словно настойки шалфеево-мятной
Выпило время без тени смущенья,
И застучало чуть реже, чем надо.

В книге читаемой букводвиженье
Тянется дольше, чем ранее было.
С временем, видно, оно в соглашенье
О замедлении хода вступило.

Прошлого века в квартиру неспешно
Музыка льётся из ретро-колонки.
Спит на полу, ну совсем безмятежно,
Солнечный свет позолоченной плёнкой.

Ход в понедельник немного вальяжно
Время отстучает, но ведь, ей-богу! —
Что будет завтра — не так уж и важно,
То, что сейчас есть — важнее намного!

Не так давно уснула ночь
В рассветном рюкзаке.
Из города шагаю прочь
Я с удочкой в руке.

Ещё в пакете у меня
Есть баночка червей.
И до реки желаю я
Дотопать поскорей.

Она прохладна и чиста,
И синей полосой
Пронзает тихие места
За городской чертой.

На берег скоро сяду и,
Забыв про пыль и смог,
Начну неспешно я удить,
Глядя на поплавок.

Поймаю ль рыбу, я ещё
Не знаю — пустяки!
Но знаю точно, хорошо
Мне будет у реки.

Сидеть весь день я буду рад
В общении с рекой,
А как зардеется закат,
Отправлюсь я домой.

И блеском звёздного пути,
Проснувшись, мне помочь
Дорогу верную найти
Решит подруга-ночь.

Хворост пылает, над ним котелок
Пузо своё для ухи согревает.
В озере рядом застыл поплавок —
В леску вцепившись, нырять не желая.

Воет назойливо рядом комар,
Лезет туман из осоки махровой.
Шмель из цветка пьёт вечерний нектар,
Чья-то вдали замычала корова.

Жир в котелке выпуская, карась
Плещется вместе с наваристой щукой.
Риса на радость им всыплю сейчас
С солью, морковкой, картошкой и луком.

Смолкла корова, шмель скрылся вдали,
Хворост по цвету стал жгуче-бордовым.
Солнце, скрываясь за кромкой земли,
Дышит спокойствием свежим и ровным.

Я на траве, как на тёплом меху,
Тело своё разместил в полулёжке.
Дым разгоняя, мешаю уху
С детства родной металлической ложкой.

Рядом запел чуть охрипший сверчок,
Горло своё от души надрывая.
Скромно заслушался им поплавок,
В воду нырять, ну совсем не желая...

ОПЯТЬ Я В ДОРОГЕ!

Опять я в дороге! Асфальта полоска
Сквозь зелень пейзажную змейкой скользит.
Застыла, гляжу, у мосточка берёзка
И в речку листочками робко глядит.

Чуть дальше заправка. За ней вдоль дороги
По полю за трактором тащится плуг.
Сток пышного сена мелькнул одинокий,
Прилипший к траве, словно к платью утюг.

Низина с деревней! Увидел в деревне
Заборов-расчёсок опрятный я ряд.
За ними, по-царски, с осанкой степенной,
Избушки гурьбой невысокой стоят.

Секунды меняют пейзаж перед взором
За быстро летящим огромным окном —
То лес растворится в просторе озёрном,
То выстрелит вверх неожиданно холм.

Билет мне дорожный достался сквозь лето
Прекрасный такой, что в пути не уснуть.
Я еду! Я еду! И скоро приеду
Домой наконец-то! Осталось чуть-чуть!

ШТРИХПУНКТИРНАЯ СТРОЧКА

Полоска и точка, полоска и точка,
Бежит вдоль колёс штрихпунктирная строчка,
По следу спешит бесконечной рулетки
Асфальтная лента дорожной разметки.

Полоски и точки – путей альбиносы,
Не скрыты ли тайны в них азбуки Морзе?
О чём они шепчут, о чём повествуют,
Беседу ведут меж собою какую?

О Севере крайнем с казённой избою?
Быть может, о юге с солёной волною?
О доме родительском с окнами в небо...
Он тоже не близко, давно я в нём не был.

А, может, полоска бегущая точке
О ложно-спокойных разлуках бормочет?
Прощальных словах: «Я приеду, до встречи!»
О слёзах в глазах... Удержать бы, но нечем.

Полоски и точки в жару и в морозы,
Ведут разговоры по азбуке Морзе.
Куда они манят? В какие дороги
Умчаться зовут штрихпунктирные строки...

Среди бегоний и жасминов,
Среди гортензий и драцен
В озеленённой я квартире
Расположился в зимний день.

А за окном в пылу морозном
Метель по стёклам резво бьёт...
А на столе в горшочке роза
Багрянощёкая цветёт.

А рядом с розой каланхоэ
Горит гранатовый букет,
И лист мясистого алоэ
Гнёт изумрудно свой хребет.

А за окном бушует вьюга,
Снег призывая к кутежу...
А здесь, в квартире, как на юге
Я субтропическом сижу.

Рубежей нет! Повсюду воля!
Здесь, вблизи, стог растет из сена.
А вдали, там, за кромкой поля
Возвышается лес степенно.

В небесах синеву ест пена
Облаков совершенно чистых,
А внизу, в лужах по колено,
Золотистые дремлют листья.

Ни домов нет вокруг, ни строек.
В незамаранной здесь природе
Я стою, и — да что ж такое! —
Веселюсь беспричинно вроде.

«Э-ге-ге!!!», — закричать охота,
В горизонт отсылая эхо —
Здесь повсюду одна свобода,
С рыжей лентой лесного меха!

НА ЖИЗНЕННЫЕ ЧУДЕСА

Я видел, как пенится лёд,
Как хлещет вода из песка,
Как солнце по звёздам плывёт
И тянется к смерти рука.

Я видел, как тлеет бетон,
Как липнет к душе язык,
Как даже простой картон
Ломает, как спичку, штык.

Свершений земных полно
Из масс необычных дел.
Я многое видел, но
Не всё я узреть успел.

Пока в теле силы есть
И живы ещё глаза,
Я буду во всю глядеть
На жизненные чудеса.

ДРАКОН

Суставы разнылись и зубы не те.
И крылья обузой являются лишней.
Последнее лето живу на земле
Из долгой своей многовёковой жизни.

Оставьте меня, скоро сам я помру.
А дальше творите со мной что угодно...
Так нет же, по-прежнему олухи прут,
Желая прославиться в битве с драконом.

Я старый уже. Словно зайцев удав
Давно поглощать не могу никого я...
Вот, герцог лежит, вот, по-моему, граф,
А вот и барон ткнулся в холм головою.

Я старый... Но лучше меня ты не тронь,
Всё также, как в ранние годы от рода,
Пылает во мне первозданный огонь –
Восходоподобный огонь, с позолотой.

Не лезьте ко мне вы, себе на беду.
Зачем? Я уже никому не мешаю –
Деревни не жгу и невест не краду,
А скромным отшельником дни доживаю.

Забудем о прошлом. Что было – ушло.
Не надо движений без смысла и толка.
Позвольте дочувствовать кожей тепло
Последнего лета... Оно ведь недолго...

А осень придёт, с нею я по утрам
Устало прилягу на древние камни.
Закрою глаза и спокойно умру,
В груди остужая огонь первозданный...

ТВОРЦЫ

Живут великие творенья
В руках создателей миров:
Печаль, ранимость, вдохновенье
Надежда, вера и любовь.

Чисты́, прекрасны чувства эти...
Но почему внедряют в жизнь
Творцы на созданных планетах
Совместно с ними боль, корысть.

Зачем восторг мешают с гневом,
И в восхищение спешат
Вогнать тоску со злостью-стервой
И в трепет влить тревог ушат.

Миры по умыслу дурному
Так создают... А может быть
Они – всё проще – по-иному
Не в состоянии творить.

И им, по сути всемогущим, –
Мол, что придумал, то создай –
Нет, как и людям, троп ведущих
В мир идеально лучший – рай.

ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СПИРАЛИ

Сумели пламя потушить,
Одна искра мерцает куцая.
А долго нам осталось жить
До всплеска новой революции?

Как б не стремились на постой
В астро-космические дали,
Но сбросит путь нас вниз, дугой,
По исторической спирали.

И ждёт внизу опять война,
Разруха, голод, жажда власти...
Лишь уцелела бы страна,
Не разорвалась бы на части.

И там, в проклятой глубине,
Гремя мечами и цепями,
Путь освещающе во мгле,
Из искры снова вспыхнет пламя.

Что дальше будет? Бог с тобой,
Ведь каждый знает, что случится –
Что круг чертя очередной,
Спираль к вершинам вновь умчится.

ВРЕМЯ И ВОЗРАСТ

Возраст к времени обратился:
«Не губи меня, пожалей!
Если в чём-то я провинился
Пред тобою — прости скорей!
Зачехли боевые стяги,
Присмири часовую ось.
Ежедневно вести атаки
С целью выстарить хватит, брось!
До седин я устал сражаться,
В теле нёмощность да озноб.
Может, хватит уже бодаться
Мой морщина при этом лоб?»

Ухмыльнувшись, сказало время:
«Успокоилось я бы, но
Мне спокойствия во вселенной
Ни мгновения не дано.
Если б знал бы, как бег свой часто
Развернуть мне хотелось вспять...
Да, пыталось я... Нет, напрасно...
Больше нечего мне сказать».

Дифирамбы ушли, и возраст
Время вынужденно опять
Планомерно и скрупулёзно
Тут же бросилось устарять:
То суставы кольнёт иголкой,
То давлением по сердцу — хлоп!
Что там дальше? А дальше только
Смерть, прощание, слёзы, гроб...

Но не только сурово время,
Время может ещё лечить,
И угробленное непременно
Вновь обязано оживить.

И рожденья зажгутся свечи,
Новым вехам открыв врата —
Значит, возраст, он тоже вечен,
Хоть и старится иногда.

СОЛОМИНКА В СТОГУ ИГОЛОК

Сухая совсем и податливо ломкая,
От бывшей травинки отбитый осколок,
Решила от взглядов укрыться соломинка
В высоком стогу из железных иголок.

Как шишки под лапками ёлочно-хвойными,
Под грудями острого очень металла
Воздушная и совершенно спокойная
Соломинка чуть изогнувшись лежала.

Её не достанешь клещами длиннющими,
Сквозь стог не просветишь рентгеновским светом.
А, впрочем, зачем? Никому ведь ненужная
Ни в чём абсолютно соломинка эта.

Построить шалаш из неё не получится,
Табун лошадей не прокормишь зимою.
И стоит ли с нею поэтому мучиться,
Лишая надёжного в стоге покоя?

Так пусть и скрывается эта соломинка
В стогу из железных и острых иголок —
Засохшая, тонкая, хрупкая, ломкая,
От бывшей травинки короткий осколок.

ОТЖИВШИЕ ЭРЫ СЛУЖЕНИЯ ЛЮДЯМ

На свалке у дома, на гряде бутылок,
В тени, создаваемой стенкой бачка,
Лежал в одиночестве старый ботинок
С разодранным носом и без каблука.

В очистках картофельных рылась собака –
Обвисшие уши, худющий видок.
Просаленный жизнью и жиром бумаги
Следил за собакой газетный клочок.

Когда-то звенящий, весёлый когда-то,
Но выбитый временем в смерть наповал,
Будильник без стрелок и без циферблата
В бачке по привычке секунды считал.

В асфальт упиралась шкафная фанера.
На кромке присев почерневшей её,
Ворона, кряхтя, с воробьём-кавалером
Вела разговор про своё бытиё.

На свалке предметы отжившие эры
Служения людям, совсем не спеша,
Внимали дуэту пернатых с фанеры
Безумно влюблённо и еле дыша.

СОРНЯК

Обнагтели гости на земле моей —
Огурцы с картошкой, лук и сельдерей,
Да и в целом группе пришлых овощей
Не по сердцу нынче что-то я вообще.

Ими назван словом грубым я — Сорняк!
Здесь, для них, для пришлых каждому я враг.
Но сюда я ехать их не зазывал,
И земли наделы в дар не предлагал.

Да, не образован, как они, я дик,
И к свободе полной, без границ привык.
Эти же пришельцы, ограничить мне
Жить решили право на моей земле.

Вырывать с корнями принялись меня
Из моих наделов... Но не сдамся я.
С этою оравой плодоовощной
Буду продолжать я ежедневный бой.

Не спасут их сотни огородных стен —
Не они, а здешний я абориген.
И прополка грядок не укроет их —
Буду наказаньем вечным я для них.

Как бы не старались, не погибну я,
Ведь в округе здешней Родина моя.
Пусть трепещет в страхе каждый, кто чужой —
Не они, а я здесь житель коренной!

ЭЛЕКТРИК ВСЕЛЕННОЙ

Бежит электричество по проводам
От станции ТЭЦ до розетки квартирной.
Вдоль столбиков ЛЭП ночь прильнула к устам
Земли чуть прохладной воздушною синью.

Лишь лампочки звёзд полыхают. Зажёг
Свет звёзд Самый Главный Электрик Вселенной.
Я чувствую, как в них пульсирует ток —
Ток силы огромнейшей — многоамперный!

А рядом со звёздами тихо Луна
Сияет в ночи серебристым торшером —
И в каменный век так сияла она,
И в прочие стёртые временем эры...

Электрик Вселенной цепочки ночной
Контакты с зарёю оставит без тока.
Погаснут созвездия над головой.
И грустно от этого станет немного.

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

Лошадки какой лошадиную силу
Единым избрали для силы мерилом? —
Породы арабской, башкирской, монгольской,
Баварской, якутской или орловской?

По масти-раскраске она вороная?
Каштаново-бурая или гнедая?
А нрава какого? Спокойная, буйная?
С рождения глупая или разумная?

Какую по факту избрали кобылу
Стандартом в одну лошадиную силу?
Стройняшку ли? Толстую, словно бы мячик?
Но всяко не старую дряхлую клячу...

Но больше всего, что волнует меня,
Вопрос — почему это люди мерилом,
По обще-стандартной системе для силы,
Используют лошадь, а не коня?

ПОСВЯЩЕНИЕ ОЧКАМ

За умный вид и острый взгляд
Спасибо вам, очки, с поклоном.
Глаза сквозь вас на мир глядят
Бесперерывно восхищённо.

Вблизи стал видеть, как вдали,
И в этом «плюс» есть, а не «минус».
Вы чёткость оптикой зажгли,
Как зажигает спичка примус.

На переносице сидя,
К ушам протягивая дужки,
Вы украшаете меня
Похлеще, чем весну веснушки!

Очки, со школы вас мечтал
Я ощущать перед глазами.
Летели годы... Час настал
Мне долгожданной встречи с вами.

...Стих этот сделал неспроста,
Хочу итогом поделиться:
Коль есть в душе твоей мечта,
Она должна осуществиться!

В СТРАНУ ПРЕКРАСНЫХ АЭЛИТ

Мой звездолёт, поверь мне, брат,
Вверх поднимался сотни раз.
Вчера летал он в Луноград,
Сегодня же летит на Марс.

Давай со мной, сомненья в прах.
Ты убедишься, там — не тут,
Там, на малиновых лугах,
Ромашки алые цветут.

На багровеющих волнах
Морского красного вина
Увидеть смог я там на днях
Русалку с розового дна.

Повсюду твёрдый там гранит
Гранатом огненным покрыт.
Ну, что летим? Нам путь открыт
В страну прекрасных Аэлит!

Пойдём со мной, не бойся, брат.
Мой звездолёт подбросит нас,
Минуя стольный Луноград,
Прямой дорогою на Марс.

КОСМОНАВТ

Ну что сказать, мяу, здравствуйте!
Явился я из космоса,
Летел путями ясными
В межзвёздной пустоте.

С планеты я Мур-мурия
Из города Кис-Брысинджер.
Летел быстрее пули я –
Летел и долетел.

С дороги кушать хочется.
Несите угощения
Мясные да молочные
Скорее для меня.

Когда назад в Мур-мурию?
Как долго с вами буду я?
Земляне, я подумаю.
Но чуть попозже – мяу!

КАК ЗДОРОВО, ЧТО СУЩЕСТВУЮТ ФАНТАСТЫ

Артур Конан Дойл, Александр Беляев —
Великих фантастов рождалось немало.
За вечер глотались романы Жюль Верна,
Читались мгновенно Казанцев, Ефремов.

Мотался сквозь тернии к звёздам я с ними
И в прошлое ездил на хрономашине,
Водил Наутилус, сурово сражался
Я неоднократно с пришельцами с Марса.

А Кир Булычёв? Заставлял беззаветно
Над тайнами биться он третьей планеты.
И гнали настойчиво в дальние дали
И Айзек Азимов, и Гаррисон Гарри.

Миры пауков, гравипап, гуманоидов,
Восстания роботов, хитрость андройдов.
И взгляды на ценности, светлые мысли
О прошлой, текущей и будущей жизни.

Как здорово, что существуют фантасты —
Адамов, Платонов, Маккефри, Желязны
И прочие, много их, в целом, по сути —
Прекрасные книги, чудесные люди!..

РАБОТАЮ Я ДИРИЖАБЛЕВОДИТЕЛЕМ

Работаю я дирижаблеводителем,
По небу промчатся со мной не хотите ли?
Билеты на палубу, к взлёту готовую,
Поверьте мне, что несусветно дешёвые.

Сиденья большие, огромные столики,
Не то, что в каком-то зачуханном Боинге.
И можно окно распахнуть, если надо вам,
На зависть запаянным иллюминаторам.

Неспешно, без шума визжаще-турбинного,
Мы будем лететь над лесами-долинами.
Лететь, наслаждаясь воздушным спокойствием,
Куда пожелаем, в своё удовольствие.

Подъёмная сила, рождённая гелием,
Не даст нам упасть, не нужны здесь сомнения.
Похож на кита дирижабль по внешности,
Плывущего над всеземною поверхностью.

Ещё в дирижабле сады есть с бассейнами
И сверхаппетитными чудо-кофейнями.
Поэтому снова спрошу — не хотите ли
Со мной полетать, с дирижаблеводителем?

В ПОСТПОТОПНОЙ ЭРЕ НОВОЙ...

Обесценятся напитки,
Утоляющие жажду –
Тают льды, воды с избытком
На планете станет нашей.

Станет скоро – несомненно!
И, распухнув, океаны
Смоют с ликом континентов
Многочисленные страны.

Только прежних гор великих
Над бескрайними морями
Подниматься будут пики
Небольшими островами.

Быть потопу в этом веке
На земном уставшем шаре!..
Стоит строить ли ковчеги
Для попарно разных тварей?

Абсолютно фауна, флора
Здесь ни в чём не виноваты.
Строить им суда, бесспорно,
Для спасения бы надо.

Ну, а люди? Что? Достойны
За измены, взгляды с фальшью,
За коварство, ложь и войны
Шанс иметь плодиться дальше?

Человек к земному раю
Путь активно разрушая,
Льды призвал повсюду таять,
Сам того не понимая...

В постпотопной эре новой
Из попарно взятых тварей
Кто на землю ступит снова?
Кто не ступит? Мы не знаем...

ГИТАРА И ШАПКА

Над шапкой, прильнувшей спиной к тротуару,
В потоке людском зазвучала гитара.
И с первого звука случайным прохожим
Казаться мир начал светлее и проще.

Игрались мелодии разного толка —
Для сальсы, ламбады, кадрили и польки,
Для русской застольной «Калинки-Малинки»,
И небызвестной кавказской лезгинки.

И голос ещё гитариста с гитарой
Вещал под аккордные звуки на пару
Про Разина Стеньку с персидской княжнью,
Про ворона чёрного над головою.

Ещё были песни из нашего рока:
И «Дети любви», и «Ой-йо», и «Дороги»,
И «Орбит без сахара», «Аривидерчи»,
«Последняя осень», «Напитки покрепче».

А в шапку, лежащую на тротуаре,
Влетали монеты под звуки гитары
От мимо идущих спешащих прохожих,
За мир, что светлей стал казаться и проще.

ОТРАЖЕНИЕ

Ты улыбаешься — я улыбаюсь,
Ты веселишься — и мне хорошо.
Если работой опять изнуряешься,
Значит, и я буду биться ещё.

Ты заболеешь — и я заболею,
Ты ляжешь спать — и я тоже усну.
В прорубь зимой если прыгнуть посмеешь,
В след за тобой без раздумий нырну.

Каждое в жизни твоей изменение,
С нотками холода или огня,
Может увидеть своё отражение
В зеркале сердца в груди у меня.

Если с зарницею раннею встанешь,
Значит, и я буду бодрим к утру.
Буду беспомощным, если устанешь.
Если умрёшь — то я тоже умру.

А НА УТРО РОДИЛСЯ СТИХ...

А на утро родился стих
О цветущей живой весне.
И о том, что тайфун утих,
Бушевавший давно во мне.

О воздушных ночных огнях,
Обрамляющих лунный свет,
И хмельных от любви глазах —
Не найти их прекрасней, нет.

И о сладких — сладкий, как мёд —
Исцелованных мной губах,
О душе, что теперь поёт
Громче самых горластых птах.

О ночи, что ушла со мглой,
Но не скрылась от нас двоих,
О безумии под Луной,
А на утро родился стих...

САМЫМ ЛУЧШИМ НА СВЕТЕ ПРИЗОМ

Ты не думай, что не посмею,
Зря беспечно так веселишься —
Я добуду тебя трофеем,
Если мирно не согласишься.

Если в руки не дашься лично,
Не подаришь свои мне чувства,
Значит, станешь моей добычей
Самой лакомой, самой вкусной.

Ждут в судьбе тебя перемены,
Как ни бейся, их не погубишь.
Ты моею всенепременно
До скончания жизни будешь.

Как добуду тебя, забудешь
Всё, что раньше звалось капризом —
Для меня ты на свете лучшим
Обязательно станешь призом.

УПАЛА ЗВЕЗДА...

Упала звезда, а за нею другая.
Чего б загадать нам с тобой, дорогая?
Вон, третья летит окрылённою ланью
И шепчет, сверкая: «Давайте желанья!»

Чего б загадать в этом звёздопаденье.
А стоит ли? Много и так мы имеем —
У нас есть любовь и ночная прохлада.
И бóльшего нам совершенно не надо.

Падение звёзд к исполненью желаний,
Давай, для других безвозмездно оставим.
А мы уже вместе с тобой — словно в Млечном
Пути плещет высший огонь — бесконечно!

ЦЕНА НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

Цена не имеет значения.
Чтоб встречи с тобою дождаться,
Без долгого я промедления
Способен и чёрту продаться.

Когда же моё ожидание
Приходом твоим завершится?
Я с многим за это желание
Могу не смущаясь проститься.

Куда-то несутся мгновения,
С минутами в прятки играя.
Насквозь прогрызают сомнения
О том, что увижу тебя я.

В душевные силы, в спокойствие
Ведро словно вылили яда.
К чему эти мне удовольствия,
Когда тебя нет со мной рядом.

Но жду! И дождусь! Опасения
При встрече с тобою растают.
И знай, не имеет значения
За это цена никакая.

БУДЕТ ВСЁ НАШЕ!

Ёршики пальм на пружинистых ножках
Листьями к морю склонились немножко.
С острова в звёзд на воде отраженьё
Пальмы глазеют, застыв без движенья.

Остров прекрасный, уютный и чистый —
Маленький остров, безлюдный почти что.
Здесь, на земле, затерявшей в море,
Из обитателей только нас двое.

И потому здесь в округе всё наше —
Реки, луга и песчаные пляжи,
Крабы, кораллы и рыбные стайки,
Скальные выступы, бухты и чайки.

Наши и пальмы на ножках упругих,
Волн омывающих остров наш звуки,
А по ночам, до крупинки мельчайшей,
Здесь даже россыпи звёздные наши!

Он на встречу придёт, он обнимет её,
Ведь сбывается всё, что желаемо.
Он губами к губам её крепко прильнёт,
Самым трепетным и обожаемым.

Вечер алым зонтом осветит горизонт,
Все проблемы под зонт улетучатся.
Будет им хорошо — хорошо им вдвоём,
По-иному совсем не получится.

Нет прекрасней её для него никого,
Ей его нет другого прекраснее.
Вечер в счастье их вместе и скоро введёт —
Здесь любые сомненья напрасные.

Состоится для них, до безумства родных,
Встреча яркой и неподражаемой...
Нет, сомнений здесь нет, нет и мыслей иных,
Ведь сбывается всё, что желаемо.

Свистит вихрастый ураган,
Ворочая листвою.
Несётся ливень-хулиган
К земле сплошной стеной.

Сверкая в тучной вышине,
Гром эхом бьётся в дом...
А мы на смятой простыне
Лежим с тобой вдвоём.

Нам хорошо, как ни крути,
Мы рядом, ты близка.
Прильнула пальцами к груди
Твоей моя рука.

И мне тепло, горит клубясь
В душе огонь сейчас
От ласки губ твоих и фраз,
И блеска ярких глаз.

А за окном под гром давно
Земля продрогла вся...
А нам с тобою всё равно,
Ведь вместе ты и я!

ЗНАЙ!

Я далеко от тебя...
Но я вернусь, погоди!
Эти чужие края
Только зигзаг на пути.

Только зигзаг, что в твои
Крепко объятая вернёт –
Против упрямства любви
Он воевать не рискнёт.

Близкий и очень родной
Мáнит любви нашей вкус.
Скоро сроднюсь я с тобой...
Лоб расшибу, но вернусь.

Там, где со мной тебя нет,
Ад одичалый, не рай.
Я до скончания лет
Буду с тобою – знай!

НЕ ПРЯЧЬСЯ ОТ МЕНЯ, МОЯ ЗВЕЗДА...

Не прячься от меня, моя звезда,
В туманностях запылено-далёких.
К тебе дорогу я найду всегда
Сквозь боль сомнений, муки и тревоги.

Летаешь ты, там, где-то, далеко,
Жемчужиною ярко сверкая.
К тебе дорогу будет нелегко
Найти, но отыщу её, родная.

К твоим плечам губами прикоснусь
И к шее, изгибающейся тонко.
Не прячься... Но искать не побоюсь
Тебя я, сев в небесную двуколку.

Я путь найду, шагая среди тёрний,
В которых засыпают города.
И сквозь туман блуждающих сомнений...
Не прячься от меня, моя звезда!..

А меня ты любишь точно?
Постоянно? В миг любой?
Любишь днём и любишь ночью?
В зимний холод? В летний зной?

Любишь сильно? Очень-очень?
Сердцем всем и всей душой?
Любишь так, что быть ты хочешь
И во снах всегда со мной?

Крепко любишь? Не разлюбишь?
Ни за что и никогда?
Сколько ты молчать-то будешь?
Ну, ответь скорее: «Да!»

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ ВЕСНА

На другом берегу весна.
А на этом из тучи льёт.
На другом берегу она
У причала корабль ждёт.

И не знает, что ночью он
Расколосся, в волнах пропал
Здесь, на этом, в свирепый шторм,
У гряды из тяжёлых скал.

На другом берегу она
Ждёт, надеется, верит. Но
Нахлебавшись воды сполна,
Здесь корабль ушёл на дно.

Вместе с верной командой он
На жемчужный улегся ил.
А к утру шторм простым дождём
Охладил свой свирепый пыл.

На другом берегу весна.
А на этом из тучи льёт.
На другом берегу она
Ждёт корабль, напрасно ждёт.

Нет в ней прежнего счастья
Ни в глазах, ни в улыбке.
Взор потух в одночасье,
Стал дрожащим и зыбким.

Пятна крошками ало
Засверкали на коже.
Что ж такое с ней стало?
Приключилось с ней что же?

Был звонок телефонный,
Непростой, несомненно.
Ухо к трубке смартфона
Ей прижалось мгновенно.

Разговор неприглядный,
Ни заботы, ни ласки,
В три минуты во взгляде
Речью вымертвил сказки.

И поэтому счастья
Нет в глазах и улыбке.
Взор потух в одночасье,
Став дрожащим и зыбким.

МОЛЧИ...

Не говори... Молчишь? Молчи,
Раз говорить совсем не хочешь.
Молчи, как робкий свет свечи
Молчать умеет среди ночи.

Как отблеск солнца на росе
Рождённый ласками заката,
Молчи и ты. Молчи совсем.
Не надо фраз. И слов не надо.

Молчи, как может звездопад
Молчать звездой перед паденьем,
И как зимой уснувший сад
Молчит в глубоких сновиденьях.

Ни грамма звука, ни чуть-чуть.
Молчи, без холода и жара.
И я с бесшлышно помолчу
С тобою рядышком на пару.

Молчать я буду, как река
Молчит в туманной дымке-сёти,
И как цветок в кругу венка
Молчать способен перед смертью.

ЭФИР МОЛЧИТ...

Эфир молчит, его не тормошу,
Остыл экран без прежнего накала.
Четвёртый день тебе я не пишу –
На пáузе общение застряло.

Да что там день, я помню даже как,
В прошедшем времени, уже давно не близком,
Не получалось в общем-то никак
Нам ни минуты жить без переписки.

А между строк любовь была у нас,
Тянувшаяся долгими годами.
Осталась ли она ещё сейчас
С разбегом километров между нами?

Нагрянет ночь. По звёздному ковшу
Луна пройдёт, созвездие целуя.
Четвёртый день тебе я не пишу...
А завтра непременно напишу я.

ВЕЧЕР, ПАРК, ШЕЛЕСТИТ БЕРЁЗА

Вечер, парк, шелестит берёза
Пожелтевшей давно листвой.
Хватит шуток, давай серьёзно
Побеседуем мы с тобой.

Нежно тянет берёза руку
К лавке, выкрашенной цветно́...
Чёрт возьми, мы совсем друг другу
Надоели уже давно.

Значит, время пришло расстаться.
Ты в один край, а я — в другой...
Глянь, как осень покрасоваться
Хочет золотом пред зимой.

Парк вечерний фонарным светом
Освещает своё нутро.
Сентябрём умертвилось лето,
Не вернуть его ни за что.

Лишь берёза, без утомленья,
К лавке тянется. Мило? Да!..
Расстаёмся не на мгновенье
Мы с тобою, а на всегда.

УЧЕБНИК КОЛДОВСТВА

Научусь заведовать дождями,
Приручу к себе ещё и гром.
Захочу, и небо облаками
Запылю туманным колдовством.

Из верхов, из ливниевой фляги,
Колдовство помчится вниз рекой.
И твой зонт, как знамя при атаке,
Полотном взметнётся над тобой.

О ногах, уже не столь желанных:
Их, — скажу, ни капли не боясь, —
На дорогах, даже на центральных,
Будет есть по щиколотки грязь.

И когда от холода и стужи
У тебя вдруг сгорбится спина,
И когда хождением по лужам
Сможешь ты насытиться сполна,

И когда получится увидеть
Как дрожат колени у тебя...
Сам себя начну я ненавидеть,
Проклиная тоже сам себя.

Землю осушу я моментально,
Разукрашу небо синевой,
А потом с открытым покаяньем
Извинюсь за всё перед тобой.

Под лучами солнечными снова
Заиграет зеленью трава.
И в печном голодном дымном зёве
Я сожгу учебник колдовства.

МАВР ВЫПОЛНИЛ ДЕЛО...

Мавр выполнил дело,
Мавр должен уйти.
Стынет женское тело
С мёртвым сердцем в груди.

Да, такое бывает,
Ревность не шоколад.
Ревность всех убивает,
Без разбора, подряд.

Бедняков и имущих
Ревность бьёт наповал.
Я от ревности жгущей
Тоже часто страдал.

Ревность, радостно млея,
Бьёт больнее проказ.
Умертвлялся я ею
Многokrатно, не раз.

И тебя я всецело
Вновь ревную, прости...
Мавр, выполнил дело,
Мавр должен уйти.

К ЧЕМУ СТРЕМИТЬСЯ...

К чему стремиться, кому я нужен,
В чём назначенье судьбы моей?
Мерцают звезды бледней и хуже,
И меньше света в потоках дней.

Телега жизни скрипит уныло,
Летят идеи все под откос.
Нет ни желаний, ни прежней силы
Подняться чтобы, да в полный рост.

Диван продавлен усталым телом,
Глаза забыли, как жжётся пот.
Приятней стало лежать без дела,
Чем стиснув зубы ползти вперёд.

Сражаться нечем, я безоружен.
И знать неважно, раз нет борьбы —
К чему стремиться, кому я нужен,
В чём назначенье моей судьбы.

ЖДУ СВОЮ РУСАЛКУ

Я сижу у озера, но не на рыбалке.
Жду, когда из озера выплывет русалка.

Говорят, красавица — дева-чародейница
Здесьняя русалочка — озера владелица.

Говорят, что глазки у неё огромны,
И пленяет лаской голосочек томный.

И приподнимая над водою груди,
Говорят, что в гости зазывать, мол, будет.

Мне на встречу эту хочется надеяться
С озера владелицей, девой-чародейницей.

Стану я на доньшке илистом ей мужем,
Ведь на берегу тебе я уже не нужен.

Впрочем, это в прошлом — прошлого не жалко...
Я сижу у озера, жду свою русалку.

В НОЧЬ ЧЕРНИЧНОГО ЦВЕТА

Доберусь без билетов
По прохладе густой
В ночь черничного цвета
С одинокой звездой.

В ватных пятнах тумана
Глохнут звуки тропы.
Нет, нельзя постоянно
Быть любимцем судьбы.

Стынет вечер осенний,
И тепла не найти –
Я запасы везенья
Растерял по пути.

Жизни прошлой начало
Не хочу вспоминать.
Что там времени? Мало
Полной темени ждать.

Я уйду, лучик света
Взяв закатный с собой,
В ночь черничного цвета
С одинокой звездой.

НАВИГАТОР

Дом. Потухшая лампада.
Чёрных мыслей груда.
Помоги мне, навигатор,
Вырваться отсюда.

Освети стеклом смартфона
Нужную дорогу —
Остаться нет резона
Здесь, и слава богу.

Мне как будто из ушата
Душу охладили.
Яндекс-карты, навигатор,
Разверни пошире.

Подскажи стезёю верной,
Как уйти подальше.
Надоело гробить нервы
В обвиненьях в фальше.

Темноте легла на плечи
Мрачная прохлада.
Дом притихший. Поздний вечер.
Не горит лампада.

НАДО СОГРЕТЬСЯ!

Холодно очень... Пора бы согреться!
Музыку громче! И водки в стакан!
С соусом Чили из острого перца
Горло сжигающий дайте роман!

Пальцы в смартфон, чтобы слать эсемески,
Даже тому, с кем недавно знаком:
«Ливень прекрасен!», «Природа гротескна!»,
«Счастье найдём за ближайшим углом!»

Свет во все лампы – пускай разблестится
Всё, что в квартире способно блестеть!
Только на улице темень тесниться
Сможет, вгрызаясь в осеннюю медь.

И закурить! Дым взлетать сигаретный
Будет напыщенно, радуя глаз.
Да, я не спорю, курение вредно...
Но не сегодня... совсем не сейчас...

Ливень, бликующий тенью прохладной,
Льнёт неприкаянно к окнам извне.
Надо согреться... Согреюсь, раз надо –
Не погибать же от холода мне!

Никотином убью я табун лошадей,
На столе разложу горы пепельных куч,
Самогоном к себе призову сто чертей.
И за ними запру дверь входную на ключ.

Занавесил давно в доме окна. Темно
Где-то там, над землёй обесцвеченной, но
Здесь, в квартире моей, неестественный свет
Будет взгляд опьянять под дымок сигарет.

Наконец-таки ложь правды станет слащей,
Сердце быстро взбодрит юмор жизненных драм...
— Эй, давайте, друзья, самогона скорей
Выпьем с вами ещё! — Предложу я чертям.

И забыть я потом, — даже бес подтвердит, —
Совершенно смогу и про срам, и про стыд.
И о том, как душа бьётся болью моя,
Водевиль сочиню незатейливо я.

Жду, когда поднимать и хвосты, и рога
Свежий пепел начнут, и когда разглядит
Неестественный свет от глазка ночника
Вызывающий дрожь пляс чертовских копыт.

ОТПУСТИТЕ МЕНЯ...

Отпустите меня, я остыл, изнемог,
Обессилел совсем, без морозов продрог.
От забот и проблем видеть сны перестал,
Пыл свечой восковой прогорел — я устал.

Слепота бьёт в глаза, а в суставы артроз,
Всё, что делаю я — невпопад да вразброс.
Укатилась мечта, не найти её след,
Деформирован от перегрузок хребет.

В понимании я не нуждаюсь ни в чьём,
Не желаю совсем внешне быть слабаком.
Я согреться смогу и от искры огня...
Но, чтоб стало теплей — отпустите меня.

А БЫЛО ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...

Стоит преградой в переходе
В грядущее стальная дверь.
Я в исчезающей породе
Давно уже последний зверь.

Последний я, последний самый.
Никто не вздумает скорбеть,
Когда прилягу я усталый
На землю, чтобы умереть.

Не заскулит никто молебно,
Не ткнётся лапой тихо в бок.
Я из породы зверь последний,
Лишь доживающий свой срок.

Исчезнуть в день желаю ясный,
Своей судьбы наевшись впрок.
И о себе я в «Книге Красной»
Смогу очистить пару строк.

Со всей породой я в былое
Уйду, однажды, из сейчас...
А было, было золотое
Когда-то время и у нас.

Холодно так, что не чувствую ног...
В инее щёки, ресницы и брови.
Крёпок мороз – даже голос продрог,
Пар выпуская сквозь зубы свинцовый.

Вгрызся в одежду и начал толочь
Ветер по коже порывами стужи.
Ну, почему эта звёздная ночь
Так не влюбила меня? Почему же?

Горблюсь, шатаюсь, но всё же бреду,
Дикие мысли бросая в свой разум –
«Эх, оказаться сейчас бы в аду,
Там отогреться сумел бы я сразу».

Но не помру, я совсем не дурак,
Ждут меня дома, а не в преисподней.
Стыlostью зимней сияющий мрак,
Так, ерунда, лишь беда на сегодня.

Пальцы в перчатках я не без труда
И не без боли сгибаю от стужи...
Но добреду, доползу – мне туда,
Где нужен я... Хоть убейте, но нужен!

ПЕРЕД НАЧАЛОМ РАБОЧЕГО ДНЯ

Перед началом рабочего дня,
Целых пять раз по утрам за неделю,
Вечная душит проблема меня –
Сложно себя изгонять из постели.

Солнцем нередко бормочет рассвет:
«Эй, поднимайся! День движется новый!»
Но подниматься желания нет,
Ну, абсолютно совсем никакого.

Я бы взбодрился, такое б стряслось –
Сделал бы кофе себе с бутербродом.
Если потом бы идти не пришлось
Мне после этого вновь на работу.

Мне б не вставая уснуть бы опять,
В сон погрузиться бы новый с усладой.
Больше врачи ведь советуют спать!..
Но подниматься-то всё-таки надо.

Всё же придётся себя утянуть
Мне из постели, угробив сонливость.
Душ, бутерброд, чёрный кофе и в путь
На пятидневную трудо-повинность.

Но непременно пять дней улетят!
Пятница скроется лёгкой субботой.
Утро наступит, когда не вставать
Сладко смогу я, забыв про работу.

ДЕНЬ ТЮЛЕНЯ

Я сегодня, в воскресенье,
Без тревог и промедленья
Праздник сладостный отмечу
Под названьем — «День тюленя»!

Телевизор, холодильник
И диван сегодня братья
Для меня, и с ними вместе
Праздник буду отмечать я!

Ну, а швабра с пылесосом
Пусть ютятся в «хате с краю»,
На торжественных гуляньях
Видеть их я не желаю.

На диване — брате старшем,
По-тюленьи, многотонной
После завтрака надолго
Тушей лягу неподъемной.

В телевизор вышлю импульс
ТэВэ-пультом на включенье,
И он ярко загорится
Для меня с огромным рвением.

Спорт, политика, культура,
Фильмы личной фильмотеки —
Что ещё для счастья нужно
В выходные человеку!

Проволяюсь так весь день я,
Отмечая праздник лени,
По-воскресному прекрасный,
Под названьем — «День тюленя»!

ОТПУСК!?!..

Отпуск нагрянул! Казалось б свобода!
Завтра не надо вставать на работу.
Лоб перестанет морщиться складками —
Вот они, рядом, мгновения сладкие!

Делать, казалось б, любое ты волен —
Хочешь, лети самолётом на море,
Хочешь, лежи, не спеша отдыхая
Дома ты, словно на облаке рая...

Но оказавшись на море желанном,
Или упав на диван долгожданный,
Быстро поймёшь подноготную двойственность
Лже-отпускной ты свободы — спокойствия:

Либо под солнцем морского курорта
Плечи себе незаметно сожжёшь ты.
Пьянки вечерние, стол ол-инклюзив.
Как результат — располневшее пузо,
Шум в голове от раки и винишка,
Кожная боль, диарея, отдышка;

Если ты в отпуске дома останешься,
Только на мягком диване растянешься,
Только ты с книжкой решишься расслабиться,
Что-нибудь тут же в квартире сломается! —

Кран потечёт, лампа выгорит в люстре,
Ножка от кресла отвалится с хрустом,
Или от стен отслоятся обои...
В общем и дома не будет покоя.

Часто насилие над организмом
Отпуск, который мы ждём с оптимизмом.
После него на работу нередко
Вновь и выходим... уставшие крепко.

АРИВИДЕРЧИ!

Сижу на вокзале и пью из стакана
Остывший, без сахара, Американо.
Сосед – тот, что слева – играет в ноутбуке,
А справа – ключами вращает от скуки.

Табло говорит – ну, надеюсь, что честно,
Что час мне остался всего до отъезда,
Что поезд задержан, но лишь на немножко –
Я жду его, словно больной «неотложку».

У ног моих сумка ремнями раскосо
Глядит на идущего мимо матроса.
Откуда он взялся здесь, в центре Сибири?
Загадка! – которых полно в нашем мире.

Напротив меня, в очереди магазинов,
Стоят сувениры на полках витринных –
Расстаться с деньгами вдоль стёкол бредущих
Они мотивируют блеском цветущим.

Уборщица с видом стоически-храбрым
В руках своих держит длиннющую швабру.
Охранники дремлют, и грузчик от пота
Промокший свою выполняет работу.

Пока изучал микроклимат вокзала,
Табло объявление нарисовало,
Что поезд мой близко!
Бегу с ним на встречу!

Вокзал – до свидания!
Аривидерчи!!!

ВЕРХНЯЯ ПОЛКА В ПЛАЦКАРТНОМ ВАГОНЕ

Полка в плацкартном вагоне, что верхняя,
Очень для снов безмятежных бесценная.
Лёг на неё — и лежишь, расслабляешься,
Вместе с вагоном уютно качаешься.

Хочешь, с составом ты в полной гармонии
Молча в квадраты смотри законные —
Мысли при этом войдут в равновесие
С мимо бегущими пашнями, весями.

Верхняя полка в плацкарте — творение
Явно придумано техником-гением.
С нею легко, без боязни падения,
К небу возносишься ты с упоением.

Место nirваны, пространство спокойствия,
С ортопедично-лечебными свойствами.
На высоте, в простыню упакованных
Ног, проплывают соседские головы.

Полка в плацкартном вагоне, что верхняя,
Мáнит воздушностью лёгкой блаженствия.
Лёг на неё и во время движения
Поезда — нежься в своё наслаждение!

Округлив зрачками взор,
Глядя грозно на дорогу,
Просигналил дзинь-тревогу
У шлагбаума семафор.

Разрубил шлагбаум стрелой
С механизмом гильотинным
Ручеёк автомобильный,
Приказав машинам: «Стой!»

Трубный гул вдали раздался,
К диалогу – разговору
С дзинь – сигнальным семафором
Сквозь пространство поезд мчался.

Пронесётся он вдоль стрелки,
Провезёт вагонов стаю,
Вверх при этом выпуская
Дым, на хвост похожий белки.
Чуть в пути поскрежетав,
Рельсы к шпалам приминяя,
Да колёсами сверкая,
Унесётся прочь состав...

Семафор умолкнет. Шпиль
Вверх стрелы взметнётся шилом.
И опять автомобили
Побегут, глотая пыль.

Не смотря на формы и объемы,
Разно-показания весов,
Женщины — прекрасные создания —
Лучшие творения богов.

Росто-возрастные деления
Женщин — это просто ерунда!
Если спросят вдруг о предпочтениях
У меня, отвечу я тогда:

— Всех люблю, и стройненьких, и полных,
И высоких, ну, и крохотуль.
Юрких, показательно спокойных,
Ласковых и даже капризуль.

Цвет волос душе моей не важен...
А точнее важен каждый цвет.
В шубе меховой или на пляже —
Удержаться сил пред вами нет.

Разорваться ядерною бомбой
На клочки пред вами я готов...
Женщины — вы лучшие создания! —
Идеал творения богов.

Пускай во сне, не наяву,
Но звездный путь в кромешной тьме
На клочья мелкие порву
И проберусь опять к тебе.

Пускай во сне, не наяву,
Но вновь от ласки буду пьян,
И вновь счастливо обниму
Твой бесподобный тонкий стан.

Пускай во сне, не наяву,
Но вновь мечтаю ощутить
Мне богом данную одну,
Тебя, и преданно любить.

Пускай сон ложь, пускай мираж,
Но всё же он своей рукой
Сжимая звездный карандаш,
Рисует встречи мне с тобой.

Но дай мне срок, стянуть смогу
Рисунков след к земле извне,
И вновь тебя к себе прижму
Я наяву, а не во сне.

ДЛЯ КОГО МЫ ЖИВЁМ...

Для кого мы живём? Для соседей? Друзей?
Нет! — воскликнуть готов я упрямо, —
Мы живём для семьи — для жены, для детей,
Для отца и, конечно, для мамы.

Верный друг перед сном не расстелет постель
И к груди головой не прижмётся,
А сосед не способен развеять метель,
Если в сердце она развернётся.

Бег по времени будет, скорей всего, но
Без надрыва от скорости пульса,
Если в дом возвращаясь тебе не дано
Слышать возглас: «Мой папа вернулся!»

А нагрянет беда, то взметнётся ли меч,
И пойдешь ли с мечом ты в атаку,
Если нет никого, кого нужно беречь,
За кого и погибнуть не жалко?

Для друзей мы живём? Для соседей ли? Нет.
Повторюсь, не смущаясь сейчас я —
Мы живём для семьи — очевиден ответ.
И не нужно нам большего счастья.

МАМА

Да, давно я живу далеко,
Не сражаясь, как прежде, упрямо.
Но поверь, мне совсем нелегко
Без тебя, моя милая мама.

Да, под грузом проблем по пути,
Крепко связанных будничной нитью,
В дом тебе, не сердись и прости,
Иногда забываю звонить я.

Я давно возмужал и добыть
Смог немало различных регалий...
Но, ведь мама, сумел бы я быть
В этой жизни таким без тебя ли?

Детство вспомнить бы, но не хочу,
Не смогу ведь от слёз удержаться.
Мама, мама, хочу я к плечу
Твоему головою прижаться.

Если я не звоню, не сердись,
Не печаль обо мне своё сердце.
Мама, ты подарила мне жизнь —
Самый лучший подарок на свете.

Я желаю в объятьях твоих
Вновь себя ощутить невесомым,
И в глазах отразиться родных
Беззаботным опять и весёлым.

Нет... Не буду звонить... Я приду, –
Нет, не завтра, – сегодня к тебе я.
Словно в светлую юность зайду
Я в квартиру сквозь старые двери.

Ты рукою пригладишь мой чуб,
Что топорщился прежде упрямо,
И поймёшь, очень-очень люблю
Я тебя, моя милая мама.

КОГДА ЕСТЬ КОРНИ...

Был бурей сбит на землю ствол —
Ствол старый, тополинный.
Его сосед переколол
В дрова на холод зимний.

Казалось, грустный бы финал,
С которым оказались.
Зимю ствол в печи пропал...
Но корни-то остались!

И из корней, из-под земли,
Над почвой полусгнившей
Росточки юные взошли,
Как символ чуда — жизни.

Как вывод, тополь не исчез,
Он стал моложе просто.
И вновь пустился он в процесс
Цветения и роста...

И точно также человек:
Когда есть корни-дети,
Он каждый миг в свой краткий век
Для всех смертей — бессмертен.

ДРУГ, СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ...

Павлу Сорокину

Друг, спой мне песню, громче спой –
Не о печалях и потерях,
А про любовь и рай земной,
И про незапертые двери.

Спой мне о мире ярких грёз,
Куда я с радостью попал бы...
Где мне в ладони каждый пёс
Вложить готов при встрече лапы.

Не надо гимнов о войне,
О крови, смерти, боли, ранах.
Ты лучше спой, дружище, мне
О перламутровых туманах;

О суетливых воробьях,
Клюющих семечки без злости;
О звёздах, млеющих в ночах,
К себе во снах зовущих в гости.

Спой песню мне, как можешь ты,
Без песен сердце тихо гибнет.
Путь отыскать свой до мечты
Прошу тебя, друг, помоги мне...

ДЛЯ КРУЖКИ И БЛЮДЦА

Для кружки и блюдца — фарфоровой пары,
Солировал чайник бурлением с паром,
Бросала на термос багровые блики
Тарелка с вареньем из красной брусники.

А рядом пирожное с кремовым брюшком
Раздувшись прижалось к творожной ватрушке,
И торт в парике мармеладно-пурпурном
В коробке разлёгся красавцем гламурным.

Рассвет заарканив зарю воскресенья,
Подбросил на завтрак тарелку с вареньем,
Пирожное с кремом и тортик с ватрушкой,
И чайник, и блюдце — с напарницей кружкой.

ГОЛУБКА

Крыша. Голубка воркует под крышей.
Утром её изумительно слышно.
Что она делает, с кем там общается
Эта воздушная птица-красавица?
Деток, покинувших плёнки скорлупок,
Может быть кормит из клюва голубка?
С другом любимым, быть может, ласкается?
Солнцу в рассвет отправляет заздравницы?

Может, голубке её воркованьеце
Лично самой распрекрасное нравится?
Лёгкие перья под пение может
Чистит она рядом с мужем на ложе?..
Что она делает – нас не касается,
Но под неё целый дом просыпается.
И от голубки, под крышею нашей,
Каждое утро становится краше.

ЛЕТО В ШАШЛЫЧНОЙ

От ветра ливень с высока
Потоком льётся хаотичным.
А я с тарелкой шашлыка
Сейчас за столиком в шашлычной.

Снаружи выползли на бал
Зонты под шорох водосточный.
А у меня вина бокал
И мясо с корочкою сочной.

Ещё есть кетчуп, лук, лаваш
И зелень общим антуражем —
С едой такой любой пейзаж
Прекрасным выглядит пейзажем.

И потому из туч к земле
Сырой летящий мощный ливень
Стал симпатичен очень мне
И ни на каплю не противен.

Стальной дымится за окном
Мангал от угольного жара.
А я в шашлычной и тепло
Мне, как под солнцем Краснодара.

НЕПОГОДА...

Непогода. Ветер свищет.
Да скулит дверной сквозняк.
Дождь сквозь крышу тропы ищет
По дороге на чердак.

Телефон опять трезвоном
Не несёт покоя в дом.
Ну, когда ж, неугомонный,
Наконец заткнётся он.

Вновь звонок... да что ж такое!
И на даче неужель
Не смогу вкусить покоя
От звонков я целый день.

К потолку с утра прибился
Толстобрюхий мотылёк —
Видно, сильно простудился
Бедолага, весь продрог.

И, хотя я непогоду
Дачно-сельскую люблю,
Печь, крылатому в угоду,
Поднимусь и растоплю.

И на печке, прежде сонный,
Чайник свежим кипятком
Распыхтится возмущённо,
Утепляя тоже дом.

А в тепле приятней слышать
С мотыльком совместно, как
С телефоном ветер свищет,
Да скулит дверной сквозняк.

Выскочили к озеру
Майского разлива
Розовые лошади —
В завитушках гривы.

Тёмно-красной линией
Рядом встали ели,
На закат малиновый
Облака летели.

Охрою окрасился
Бережок высокий,
Он забавно ластился
К рыженькой осоке.

Из травы у берега,
С запахом духмяным,
Багровел уверенно
Клевер на поляне.

А по глади озера,
В салочки играя,
Мчалась сизоносая
Водомерок стая.

Муха бьётся в паутине
В ветках тощих за окном.
От берёзы тенью длинной
Солнце снова лезет в дом.

От ведомого рассветом
Надоевшего тепла
Укрывается газетой
Табуретка у стола.

Жарко дома, жарко очень,
Как в плавильне у печей —
Не несут прохлады нóчи,
Три недели нет дождей.

Ежедневно душ холодный
Принимаю раз по пять.
Но и с ним от непогоды
Пекло-душной не сбежать.

Ничего, ведь скоро осень,
Охладеет солнца луч.
Серой мглою неба просинь
Съест орава мрачных туч...

А когда с дождём-занудой
Холод ввалится в мой дом,
Вот тогда скучать и буду
О жаре, что за окном.

НЕ УБИВАЙТЕ ПАУКОВ!

Паук в квартире — это к счастью.
Под потолком плетёт в углах
На беды крепкие он снасти,
Не пропуская их в дома.

Он внешне выглядит немило,
Но знай, наивный человек,
С потусторонней тёмной силой
Он бой ведёт из века в век.

В дому он враг всего дурного,
С недугом бьётся в восемь рук.
Паук — соратник домового.
И даже больше — верный друг.

Паук в квартире сеть рисуя,
Оберегает ею кров.
И потому сказать хочу я —
Не убивайте пауков!

ВУЛКАН

Давным-давно вулкан о славе
Забыл пылающей своей.
Не мечет он потоки лавы
На перепуганных людей.

И в небеса со свистом громким,
Как из пращи седых времён,
Камней горящие обломки
Не выпускает больше он.

Остыл вулкан. Высокий кратер,
Когда-то чёрный от дымов,
Он скрыл под слоем снежной ваты
С чредой блестящих ледников.

И не грустит он о минувших,
О молодых своих годах.
Устал, уснул вулкан потухший
И заблудился в долгих снах.

Сияет сверху кратер-блюдец,
Ручьями вниз бежит вода...
Нет, не дано ему проснуться
И снова вспыхнуть никогда.

СОКОЛ ВЫЛЕТЕЛ НА ОХОТУ

Прячьтесь, жабы, в воде болотной!
Белки, зайцы – в лесной глуши!
Сокол вылетел на охоту
И в небесной выси кружит.

По земле рыщет сокол взглядом,
Ищет пищу, да повкусней
На обед в гнездо соколятам
И соколушке он своей.

Поскорее, чижи, синицы,
Чайки, голуби, воробьи,
Где из воздуха можно скрыться,
Там скрывайте тельца́ свои.

Но у сокола глаз намётан,
Хоть запрячься в глубокий грот.
Сокол вылетел на охоту –
Он добычу везде найдёт.

ДЛЯ НОВОЙ КНИГИ

Придумать надо аннотацию
Для новой книги.
В листах расставить иллюстрации
И строчек лиги.

Избрать надёжное название,
С ним, безусловно,
Тираж бумажного издания
И шрифта форму.

Мне в белизну многостраничную
«А – пять» формата
Идеи, мысли, чувства личные
Впечатать надо.

Каким издание получится?
Прекрасным?.. или
От неудачи улетучатся
Из тела силы?

Каким?.. Забыть бы поскорей
Мне о сомнениях.
Я должен книгу завершить –
Душй стремление.

Поверить крепко должен я,
Не надо мучиться,
Что бесподобной у меня
Она получится,

Что привлекут к себе читателя
И строчек лиги,
И труд, потраченный издателем,
На выпуск книги.

ИЗ СОЛИДАРНОСТИ К ТЕБЕ...

Из солидарности к тебе
Стихи я тоже
Без колебания писать
Совсем заброшу.

Себя считаешь ты плохим.
А я чем лучше?
Друг друга мы освободим
От рифм докучных.

Самокопання твоего
В себя отраву
С тобой совместно я принять
Имею право.

К чему стихи, ведь на Земле
Без них не тесно.
Дел и без них любых найти
Легко чудесных!

Мы будем время поглощать,
Да карму чистить.
А не мгновенья убивать
На строф ритмичность.

Закончим что-то там искать.
Ни строчки, в общем.
Себя жалеть и унижать
Намного проще.

В твой разум бился я, как мог,
Но не пробился.
Эгоистично ты с пути
Сойти решился.

И от тебя уже стихов
Не будет больше.
А чем? А чем же хуже я?
И я заброшу.

НЕТУ ИЛИ НЕТ?

Нет счастья или счастья нету?
Как разрешить проблему эту?
Нет... нету... верно, как сказать?
Как на бумаге написать?

Так что же? Нету или нет?
На это краток мой ответ.
Произнести почту за честь
Его в два слова – счастье есть.

НОВЫЙ ДОМ

Дрель стрекочет за стеною,
Да в подъезде пыль столбом.
Надо выбрать нам обои
Со шкафами и столом.

За окном асфальт дымится
На дорожной полосе;
Вороньё летает, злится,
Очумевшее совсем.

Перебои с интернетом,
Электричеством, водой.
Запах краски и цемента
Вьелся прочно в нас с тобой.

Кем-то вверх ползёт влекомый
Лифт со скрипом, слышишь? – Да!
Мы с жильцами не знакомы
Здесь ещё, но не беда.

В гости мы начнём к соседям
Обязательно ходить!
А сегодня, до обеда,
Мне карниз бы прикрутить.

Из того, что только снилось
В жизнь мы лучшее возьмём –
Ведь недавно мы вселились
В свеже-выстроенный дом!

ДЕНЬ ВОРОН

Двор усеян полчищем ворон.
В этом виновата не война.
Просто начинается свой сезон
Над Сибирью Западной весна.

Что сказать, по-разному приход
Отмечает свой весны рука —
Где-то пышно сакура цветёт,
Где-то наступает «День сурка».

А ещё такое я слышал —
Где-то там, за сотнями границ,
Ход весны встречает карнавал
Из полураздевшихся девиц.

И у нас традиции сильны.
Здесь, в Сибири Западной, введён
Тоже к появлению весны
Праздник очень светлый — День ворон!

НОЧЬ И МОРЕ

Ночь и море. Волн аккорды
Бьются в гальку шумом твёрдым.
Пирамиды рядом сонно
Гор стоят грядую тёмной.

Ветер воеет сольно-сытный.
Дождь идёт метеоритный.
Заблестел Луны бананом
Серп, на радость всем гурманам...

А земля черна, как сажа.
Пляж пустынный. Я на пляже.
Лёг на гальку, с пухом схожей,
И сроднился с галькой кожей.

И теперь единокровны
Стали берег мне и волны
Гор порядок пирамидный,
Ночь и дождь метеоритный.

В ЛАБИРИНТЕ ТЯГУЧИХ СНОВ

Увяз до дрожи сегодня ночью
Я в лабиринте тягучих снов.
В них на луну выл я пастью волчьей
И зайцем бегал от хищных сов.

Я задышался от едких специй,
С разгону грудью пробил шлагбаум,
В подвалы падал с подъездных лестниц
И поднимался вверх по столбам.

Я плыл по морю в свинцовой бочке,
В прямоугольный залазил круг,
Искал правдивость в газетных строчках,
И прятал скалы в карманах брюк.

Как мухи липли к ладоням стены,
И брёл меж ними, почти без сил,
Я, проклиная свои измены...
Пока будильник не зазвонил.

ЦВЕТ «КЛУБНИКИ СПЕЛОЙ»

В кофейне кофе пью — в пристройке
К стене уютной автомойки.
А за стеной, во влаге банной,
Стоит мой конь железотканый.

Он хмур и грязью перепачкан.
Но скоро, скоро автопрачка
К нему шагнёт и пеной мыльной
Натрёт ему капот и крылья.

Натрёт колёса, стёкла, крышу...
Ах, трёт уже? Я слышу, слышу!
Ещё в салоне пыли просесть
Он обещал запылесосить.

И цвет вернув «Клубники спелой»
Мой конь, беспыльно-свеже-смелый,
Опять начнёт — и это явно,
Служить мне верно и исправно.

Ну а пока он мыльной пеной
С себя счищает грязь степенно,
Я кофейку у барной стойки
Глотну в пристройке к автомойке.

На волнах технологий разветвленных
Летит вперед стремительный прогресс,
И в головы кувалдами из формул
Незнания вкалчивает стресс.

Учебники, инструкции, брошюры,
Растущие на текстовых дрожжах,
Дают понять нам, дуракам и дурам,
Что в умственных увязли мы впотьмах.

На технику различную талмуды
Разбросаны по дому паспортов.
В них столько слов! И каждое нам пудрит
Усиленно извилины мозгов.

Эх, человек, к чему тебе мученья!
На пальму бы, в пещеру бы опять.
Не модно... И мы, нёучи, ученья
Жуём – причём, их не пережевать.

В ЭТОМ ГОДУ ЛЕТА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ!

Ветрено, холод собачий и осень
Ливнями листья с деревьев уносит.
Там, позади, в днях умчавшихся, где-то,
Скрылся комфорт вслед за сгинувшим летом.

В городе парки дома и дороги
Видно, как сильно без солнца продрогли.
Только лишь лужи, опять неотвязно,
С холодом осени дружно согласны.

Тщетны попытки согреться. Надежды
Стынут совместно с озябшей одеждой.
Грязь прилипает к ботинкам зловонной
Кашей, по массе почти многотонной.

Надо смириться с погодой текущей,
С осенью гневно по миру бредущей.
И распрощаться с мечтою о чуде —
В этом году лета больше не будет!

В день осенний, мрачно чёрствый
И бесцветно неказистый
К акварельным краскам в гости
Заглянуть решили кисти.

И с кистями акварели
Без раздумий абсолютно
Прогуляться захотели
По погоде неуютной.

Где они бы ни шагали
По холсту природы бледной,
С ними всюду расцветали
Монохромные предметы.

Нацепили зелень листьев
Обнажённые деревья,
Синь по небу слоем чистым
Распылилась во мгновенье.

Нéбыль в быль преображая,
Над сиреновой сиренью
Пчёлы грузно зажужжали,
Собирая мёд осенний...

...Если краски есть и кисти,
Делать можешь всё, что хочешь —
Даже день бесцветно кислый
Разноцветным сделать очень!

Сядь у стола. Под лёгкие щелчки,
Для слуха симпатичные чертовски,
Неспешно будем лопать пузырьки
Пузырчато-воздушной упаковки.

Ещё есть электрический камин,
Дровами сквозь динамики трещащий.
Расслабленно в камин мы поглядим,
Сияющий огнём, как настоящий...

Спокойствие орудием возьмём
От мыслей недопонятых когда-то.
До винтиков бывшее разберём
И сложим в вид осознанно-приглядный.

Гудит камин, разносятся щелчки
Пузырчато-воздушной упаковки.
А, значит и проблемы – пустяки!
В такой неповторимой обстановке.

ПОЭТЫ – ЛЮДИ НАСТРОЕНИЯ

Поэты – люди настроения,
Нас непоэтам не понять.
И я совсем не исключение –
То веселюсь, то злюсь опять.

Сегодня дождь взывает к радости,
Потом, хоть в пётлю, на карниз –
То в лист с пера сползают гадости,
То дифирамбы лезут вниз.

То горло рвётся тут же к пению
Под лично созданный сонет...
То в нос ударит запах тления,
Твердя о том, что счастья нет.

И я совсем не исключение.
И повторить готов опять:
Поэты – люди настроения,
Нас непоэтам не понять.

НЕТ КРУПНЕЙ НА ЗЕМЛЕ БОЛОТА

Нет крупней на земле болота
Васюганского — знайте, братцы.
И до центра его охота
Обязательно мне добраться...

...Среди топей там вьются речки,
Говорят, что с водой прозрачной,
И озёра лежат в колечках
Берегов там весьма удачно.

Я уверен, там, в самом центре,
Обязательно спрятан остров.
Жить на нём, как в саду Эдема,
Удивительно очень просто.

Доведут по особым меткам
И на остров в проходе звери,
Не запуганные человеком,
Распахнут непременно двери.

Семикрылый медведь Шелаба* —
Здесьних топей и рек хозяин —
Дружелюбно протянет лапу
Для пожатия — точно знаю...

...Нет крупней на земле болота
Васюганского. И добраться
Мне до центра его охота
Неприменно — поверьте, братцы!

Васюганское (кие) болото (та) — крупнейшее в мире болото.

Расположено в Западной Сибири. Занимает площадь, больше занимаемой площади таких стран, как Эстония или Швейцария. Современные средства техники не достигли уровня, позволяющего по земле проникнуть в глубь болот, что превращает их в огромный естественный заповедник для флоры и фауны, незнакомой, из-за этого, с человеком.

Имеет огромный запас чистой воды, на болотах расположено около 800 тыс. озер.

*Семикрылый медведь Шелаба — один из злых духов местных племён, — обитает на болотах, пугая заблудившихся охотников или изнеженных городских туристов.

ОСТРОВ СЕЙБЛ

Остров Сейбл — гроза кораблей,
Похож на змею он по форме своей.
 Дрейфующий остров — морской питон,
 Крупнейший в Атлантике хищник он.

Остров Сейбл — ползёт на восток
И тянет по дну за собой песок,
 Совсем не простой, а зыбучий песок.
 Ах, сколько судов он поймать им смог!

Остров Сейбл — голодный пират,
Глотать он плавучие средства рад.
 К примеру, проплыл рядом с ним баркас,
 За дно зацепился... И всё! Увяз!

Остров Сейбл — богач и жмот,
Он прячет сокровища в свой живот,
 С полтысячи разных в себя судов
 Сумел засосать он за пять веков.

Остров Сейбл совсем не высок.
И почва на нём лишь один песок.
 Даю капитанам от себя совет:
 Не вздумайте плыть рядом с островом — нет!

Остров Сейбл — «Пожиратель кораблей». Невысокий дрейфующий атлантический остров, состоящий из песка и перемещающийся за счёт движения песочных масс. За последние 200 лет «прошагал» 18,5 км. Дно перед ним состоит из зыбучего песка.

Считается, что за всю историю человечества зыбучие пески Сейбла поглотили от 350 до 500 кораблей.

КОРОНА

Украли королевскую корону.
Что делать, расскажите люди далее,
Чтоб крепко удержать себя на троне
Без этой венценоснейшей регалии?

Король-то с непокрытой головою
Шуту подобен пёстро-смехотворному.
Какое тут владение страну?
Какое управление придворными?

В короне взгляд слепили изумруды
И прочие прекрасные камни!
Но нет её, а значит скоро смута
Прокатится волною по имениям.

И прежние коронные вассалы
Войну начнут вести междоусобную –
Желающих появится немало
Добыть себе в боях корону новую...

Король силён, когда на нём корона.
Украли? – так не надо ерепениться!
И прав сидеть властителем на троне
У «короля» такого не имеется.

ОТ СТЕН КИТЕЖ-ГРАДА ДО СТЕН АРКАИМА

У реки Большой Караганки, когда-то,
Лежал Аркаим — побратим Китеж-града.
Лежал за Уральской он горной хребтиной
В прекрасной просторной бескрайней долине.

За тысячи вёрст от него, где берёзы
Белеют стволами среди елей и сосен,
Стоял Китеж-град на обрывистом яре
У озера чистого — у Светлояра.

От стен Китеж-града до стен Аркаима
Путь был не коротким, был долгим и длинным.
Но всё же тянулась, раскинув широко
Два края свои, между ними дорога.

А в те времена, в стародавние дали,
Ни бед на Земле и ни горя не знали.
И жили счастливо народы под небом
Без алчности, зависти, злости и гнева.

И смело по долгой дороге шагали
Князья и торговцы, волхвы и бояре,
Кочевники и хлеборобы — и ровней
Другому здесь каждый был единокровной...

Но где-то, однажды, возникла обида,
И кто-то кого-то унижил открыто.
Проснулось презрение, ядом змеиным

Затмила сознание стерва-гордыня.

А дальше всё хуже — пошёл брат на брата,
Не с хлебом и солью, а с острым булатом.
Стяжательства, войны планету накрыли,
Былая любовь покрывалась пылью.

Делились народы на разные страны,
В правители брали царей и султанов,
Границы вели по земле прежде общей,
И каждый урвать её жаждал побольше.

И в этом делении непримиримом
Забытою стала от стен Аркаима
Дорога до самого Китежа-града,
Лежащая в прошлом меж ними когда-то.

Дорога исчезла, бурьяном покрылась,
Под лесом с тайгой она растворилась.
А сам Аркаим, новый мир не приемля,
От глаз тоже скрыться решился под землю.

И Китеж-град вместе с обрывистым яром
Сейчас где-то спрятан на дне Светлояра...

...Но если на озеро плавать придёте,
Вы Китеж ищите, глядишь, и найдёте.

Аркаим — высокоразвитое поселение эпохи средней бронзы рубежа XX/XVIII — XVIII/XVI веков до н. э. Расположен в долинах рек Большая Караганка и Утяганка Челябинской обл. Был обнаружен в 1987 г. Его называют местом силы, прародиной ариев, колыбелью человеческой цивилизации, родиной Заратустры.

Китеж-град – город, находившийся, по легенде, в северной части Нижегородской области, на берегах озера Светлояр, построен в конце XII века н. э. Во время монголо-татарского нашествия город был окружён. Татары почти захватили его, но свершилось чудо: зазвонили колокола, затряслась земля, и на глазах изумленных татар Китеж стал погружаться в воды озера Светлояр. Только праведники и святые могут увидеть этот город. Только истинно верующий достоин слышать перезвон его колоколов. Град Китеж. Город-легенда. До сих пор множество православных христиан собирается, чтобы совершить паломничество на озеро, в глубинах которого якобы покоится легендарный город.

СМЕРТЬ ГАННИБАЛА

В вифинийском дворце на скамье восседал
С чашей яда в руке у стола Ганнибал.
Не дожждётся его ненавидимый Рим,
Скоро чашу к устам поднесёт он своим.

Как вино в торжество, он до дна изопьёт
Яд за верных друзей и альпийский поход,
За когорты врагов, перебитых в боях,
И в надломленный Рим проникающий
страх.

А ещё Ганнибал будет пить этот яд
За предавший его карфагёнский сенат,
Не дававший ему ни бойцов, ни коней,
Что с сената возьмёшь — зависть ела людей.

Оскудели войска, свежих не было сил,
И в тяжёлой войне Рим победу добыл.
И за беды свои очень Рим возжелал,
Чтобы жить не-рабом прекратил Ганнибал.

Но бежал Ганнибал. Карфагёнский причал
Тёмной ночью его навсегда провожал.
И скитальцем пошёл по земле Ганнибал,
Но не прятался он, а опять воевал.

С Римом он воевал за различных царей,
Не жалея совсем в битвах жизни своей.
И, однажды, пришёл в вифинийский дворец
Отдохнуть от боёв Ганнибал наконец.

Он сдружиться сумел с вифинийским царём,
Часто видели их на прогулках вдвоём.
Но о том, что от глаз тайно царь укрывал,
Слишком поздно сумел разузнать Ганнибал.

Маска снята с лица, смыт приветливый грим.
Оказалось, давно и уверенно Рим
Поскорее себе, не торгуясь в цене,
Ганнибала купил в вифинийской стране.

Надо снова бежать, но дворец окружён,
Взят в стальное кольцо римских воинов он.
Что же делать? Сейчас лучше смерти влезть в пасть,
Чем безвольным рабом в Рим чуть позже попасть...

И сидел во дворце у стола Ганнибал,
Чашу яда в руке, не волнуясь, держал.
Не дождётся его ненавидимый Рим,
Скоро чашу к устам поднесёт он своим.

Ганнибал Барка (247–183 до н. э.) — карфагенский военачальник. Вместе с Александром Македонским и Юлием Цезарем входит в тройку самых величайших полководцев античности.

Чтобы подавить господство Рима в западной части Средиземноморья, в 218 году до н.э. совершил беспрецедентный переход целого войска (в котором было 37 боевых слонов) через Альпы в Италию. Нанёс множество чувствительных поражений римлянам. Но войну проиграл не из-за действий Рима, а из-за злобной зависти сената Карфагена, не желавшего возвышения Ганнибала, и почти не отсылавшего ему подкреплений. За 12 лет пребывания в Италии Ганнибал получил в помощь от сената всего 12 тыс. пехоты и 1,5 тыс. всадников. Ганнибал несколько раз подходил к Риму, наводя ужас на жителей Вечного города. Но из-за малочисленности своих войск к штурму не приступал.

Через несколько лет после окончания войны Ганнибал был вынужден бежать сначала к селевкидскому царю Антиоху III, а затем к царю Вифинии Прусию I. Узнав, что царь Вифинии хочет передать его в руки Рима, поняв, что сбежать уже не сможет, Ганнибал принял яд, который хранил в перстне.

Карфагенский сенат недолго испытывал радость от того, что избавился от Ганнибала. Через 37 лет после смерти Ганнибала государство Карфаген было стёрто римлянами с лица земли.

ДАЛ РИА́ДА

Баллады о землях страны Дал Риáды
Скорее поведайте, кельтские барды.
Хочу о степных я услышать просторах,
О скáлах, принцессах, дворцах и драконах,
О чуде Лох-Несского озера**; гномах,
О грозных морских продолжительных штóрмах.

О праздниках светлых и тайных обрядах
Ирландско-шотландской страны Дал Риáды
Мне спойте по громче, прекрасные барды –
Их в прошлом скрывать ни на йоту не надо!

Ещё о соседних сыграйте народах –
О бритах и англах, о пиктах и скóтах,
Суровых когортах, из Рима идущих,
О мире, войне, бедняках и имущих...
О взлёте, расцвете страны Дал Риáды
Прошу, подарите мне, барды, баллады.

Дал Риáда (кельтск. – «Страна гор»). Кельтское королевство, занимавшее западное побережье Шотландии и север Ирландии. Первое упоминание о нём относится к 314 году. В 545 году приняло христианство и стало любимым пристанищем для странствующих поэтов (бардов). В 843 году страна поглотилась Шотландией. Королевство Дал Риáда исчезло, точных исторических сведений о Дал Риáде осталось мало, но оно сохранилось в мифах, легендах, песнях...

*Первое упоминание о Лох-Несском чудовище относится к 565 году, когда святой Колумба (принёсший христианство в Дал Риáду), спас местного крестьянина от нападения чудовища.

СІГТУНА

Полмира дрожа́ от безумия дикого,
Склонилось пред вами, суровые викинги.
Но как получилось-то, воины славные,
Что древняя Сігтуна сгинула в пламени?

Что ваша столица — героев пристанище,
Исчезла в дыму, растворилась в пожарище?
Вы, к лёгкой наживе привыкшие, викинги,
Себя возомнили бога́ми великими.

Видать, за грехи ваши карою тяжкою
На Сігтуну-город по морю Варяжскому
Явились не мёртвого царства чудовища —
На лóдьях пришли новгородские полчища.

Лишь ночь продержалась столица сражаясь.
А утром, ломая ворота, ворвались
В Великую Сігтуну чёрными тучами
С глазами горящими ратники-русичи.

И кровь пролилась, люди замертво падали —
Их пришлые били нещадно да грабили...
И церкви очистив от злата и сéребра,
Огни запустили по избам из дерева.

И вспыхнула древняя кóнунгов вотчина.
А русичи скоро вернулись на Родину.
Вернулись, везя с собой в лóдьях сокровища
В отчизну свою новгородские полчища...

Но, как же так вышло, о викинги славные,
Что Сйгтуне дали исчезнуть вы в пламени.
Пред вами ж народы от ужаса дикого
Привыкли дрожать, о великие викинги...

Сйгтуна — город, приблизительно основанный в 1000 году н.э. шведскими королями и ставший столицей Швеции.

12 августа 1187 года Сйгтуну внезапным набегом с моря захватили новгородцы с союзными им прибалтийскими племенами. Город был опустошён настолько, что не смог в будущем оправиться и вернуть себе величие столицы.

Среди награбленного в Сйгтуне были бронзовые церковные ворота, которые захватчики перевезли в Новгород и которые находятся в Новгороде до сих пор — в XXI веке.

После разорения Сйгтуны столица Швеции была перенесена в Стокгольм.

4-Й КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Подождут Господни Земли
 левантйской Палестины –
Мы сегодня штурмом древний
 взяли город Константина.

Мы Христовы паладины,
 по пескам пройдем пустынным
И у стен Йерусалима
 уничтожим сарацинов.

Но чуть позже сломлен враг
 будет грозный – сарацины,
А сейчас вошли мы в город –
 славный город Константина.

Бей, круши, бери, что хочешь,
 мы теперь здесь не чужие.
И взглядишь, как ярко очень
 вспыхнул храм Святой Софии.

Папа Римский не осудит,
 он за злато и каменья
Непреренно раздобудет
 нам у Господа прощенья.

А сияющих каменьев –
 изумрудов да рубинов,
Здесь возьмем мы, без сомнений,
 больше, чем у сарацинов.

И пока мы славно-древний
грабим город Константина,
Подождут Господни Земли
левантійской Палестины.

Для отвоевания у мусульман Иерусалима вместе с «Гробом Господним» в 1202 году в Палестину был отправлен 4-й Крестовый поход. В 1204 году, по дороге, находясь возле Константинополя, соблазнённые богатством города, крестоносцы приступили к штурму. Ворвавшись в христианский Константинополь, они стали грабить и разрушать дворцы и храмы, дома и склады. В огне пожаров погибли древние рукописи, ценнейшие произведения искусства. Крестоносцы разграбили храм Святой Софии.

До Палестины они так и не дошли.

Четвёртый по счету поход крестоносцев является самым позорным и бесславным в истории крестовых походов.

Левант – общее название территорий стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Палестина, Израиль, Иордания, Египет, Турция, Кипр).

АССАСИНЫ

На склоне горном крепость Аламút
Высоких стен расставила пластины.
В ней воины искусные живут —
Персидские аскеты — ассасины.

Они не рвутся óрдами в поход,
Не жаждут стать хозяевами мира.
Но страх они уже который год
Наводят на визирей и эмиров.

И даже европейские князья,
Прошедшие с мечом по Палестине,
Зубами от бессилия скрипя,
До ужаса боятся ассасинов.

Секрет простой, устами «Старца гор»,
Владыкой Аламúта, Ас-Сабáхом,
Озвучен может смертный приговор
Барону, паладину, даже шаху.

И к делу приступает ассасин.
В убогого калеку гримируясь.
В поход, без сотоварищей, один
Выходит он, приказу повинуюсь.

Под внешностью, несвойственной бойцу —
Калеки ведь беспомощны, как дети —
Он выйдет непременно ко дворцу
Лица, приговорённого ко смерти.

Дворцовая охрана на него
Со временем бросать устанет взгляды.
Не чувствуя, не ведая того,
Что воину, как раз того и надо.

А дальше, на прогулку властелин
Толпы полурасслабленных вассалов
Лишь выйдет только, тут же ассасин
Достанет жало острого кинжала.

И твердою рукой по рукоять
Вонзит кинжала лезвие он в тело...
А после, не подумает бежать,
И сам потом на дыбу влезет смело...

...Поступок дерзкий этот, словно кнут,
По спинам вдаст восточным властелинам...
Да здравствует великий Аламут! –
Пристанище аскетов – ассасинов!

Аламут – горная крепость-столица государства ассасинов, разрушена монголами в 1257 году.

«Старец гор», он же Хасан ибн Ас-Саббах, первый правитель государства ассасинов. Выдвинул теорию, что для победы в войне не надо уничтожать армии, достаточно убить генералов, чем и занимались ассасины.

В списке жертв ассасинов находятся более ста имён визирей, эмиров, шейхов, князей, баронов и так далее.

Расцвет деятельности ассасинов пришелся на время крестовых походов. Ассасины вели аскетический образ жизни, отказываясь полностью от всяческих излишеств.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Уральские горы и Волгу, и Крым
В себя заключила Орда Золотая.
Просторные степи, леса. И по ним
Вдоль рек города разлеглись, процветая.

В ордынской столице – Сарáе-Беркé
Прекрасны дворцы и мечети огромны.
Великий здесь хан держит власть в кулаке
Над землями тысяч племён покорённых.

Сюда приезжают забрать ярлыки
На «право владения» данники-русы –
Смешались в Орде Золотой языки
Из близких и очень далёких улусов.

Сквозь степи ордынские Шёлковый путь
С востока на запад нашёл себе место.
На этом пути для торговцев ничуть
Преград не имеется – всё здесь чудесно.

Орда великá, величавей Орды
Не сыщется больше на свете империй!
Решишься оспорить – лишишься и ты
Короны своей и своих ты владений.

Прекрасна Орда – Золотая Орда,
Не даром она так богато зовётся.
И многие-многие пусть ей года
Живётся под ярким и сладостным солнцем!

ЭЛЬЗА И ЛОЭНГРИН

По зеркалу речки, как по небу, лодка плыла.
Тянул её лебедь, надёжно держа удила.
А в лодке поникший стоял совершенно один
Прославленный рыцарь, балладный герой
 Лоэнгрин.

У берега наземь роняя слезу за слезой,
Махала во след ему Эльза дрожащей рукой.
И знала красавица, то что увидеть она
Не сможет уже Лоэнгрина совсем никогда.

Струился под лебедем водный блестящий сатин...
Но лебедем в прошлом когда-то был сам Лоэнгрин.
Сошёл он с небес, чтобы доблестным рыцарем
 стать,
Беспомощных чтобы от злобы людской защищать.

И встретил он Эльзу, принцессу брабантских
 кровей,
Её полюбил, предложил стать женою своей.
И жили они, не считая ни дни, ни года.
Но срок подошёл Лоэнгрину уйти навсегда.

Ему суждено было лебедем заново стать
И в небе парить над огромной землею опять...
А верная Эльза, проплакав всю ночь у реки,
Без мужа к утру умерла от безумной тоски.

ЕСЛИ СТУЧИТ В КОЛОТУШКУ...

Спите легко, волноваться не нужно,
Жители города — ждёт вас покой,
Если стучит не спеша в колотушку
Тихо бредущий стражник ночной.

Ведьмам, кикиморам, нечести прочей
В город проход будет крепко закрыт,
Если небыстро, размеренно очень
Стражник ночной в колотушку стучит.

На колотушке к дощечке обычной
Бильце привязано — шарик такой,
Шарик из дерева. Бьётся не зычно
Он об дощечку, при взмахе рукой.

Если стучит колотушка, то всяко
С ворогом стражник не бьётся — их нет.
Пламя пожаров взбешённой собакой
В избы не прёт, и иных нету бед.

Жители, спите, волнения бранны!
Горе лихое не влезет в ваш дом,
Если стучит в колотушку степенно
Стражник, бредущий в ночи за окном.

НА СТАРЕНЬКОМ СТРУГЕ

На стареньком струге под парусом тонким
По руслу широкой сибирской реки
К Сургуту четвёртые сутки из Томска
Плывут, возвращаясь домой, казаки.

Детишки и жёны в Сургуте остались —
О них и скучали в пути казаки.
Над мачтой свинцовые тучи бежали
И солнце скрывали — не видно ни зги.

Был Томск ими «рúблен» годков этак двадцать
Назад, но с тех пор он раскинулся в ширь.
И город расцвёл, стал великим красавцем,
Вроднившись корнями своими в Сибирь.

Сургут же, для глаза ещё не заметно,
Но начал дряхлеть у Оби не спеша.
Он óтжил уже своё яркое время,
И чахла сургутская тихо душа.

Ни жаркого лета, ни пастбищ обширных,
Ни хлеб не растёт на сургутских полях.
Развеяться можно лишь в маленьких, пыльных,
Просаленных пóтом питейных корчмах.

Сургут был сибирской добычи пушнины
Столицей. Но ценного мало зверька
Осталось совсем на приобской равнине.
Теряла его постепенно тайга.

В те дальние годы селиться в Сургуте
По собственной воле никто не желал.
И были здесь только служивые люди —
В Сургут их указами царь направлял.

На долгую службу... Поэтому брали
И жён, и детишек с собой казаки
В Сургут... А над мачтою тучи бежали
И солнце скрывали — не видно ни зги...

Под парусом тонким на стареньком струге
По руслу широкой сибирской реки
Из Томска к Сургуту четвёртые сутки
Спешат, возвращаясь домой, казаки.

25 марта (4 апреля) 1604 года Борис Годунов послал казачьего голову Гаврилу Писемского из Сургута и стрелецкого голову Василия Тыркова из Тобольска с заданием основать город на берегу реки Томи. 27 сентября (7 октября) 1604 года все строительные работы были завершены, так был основан город Томск. Однако, из-за погодных условий, сейчас День города Томска отмечается 7 июня.

ТОРТУГА

Остров Карибского моря — Тортуга,
Остров не знающий пота от плуга.
Жители здесь разношерстная публика —
Граждане вольной пиратской республики.

Бухта удобная — Пуэрто-дель-Рей.
Видела много она кораблей
Разных мастей флибустьерского братства,
Ставшей элитой морского пиратства.

Форт есть на острове мощный — Ля-Рош.
Сколько атак он отбил, не сочтёшь.
Так что не суйтесь испанские доны
Больше сюда на своих галеонах.

Лучше, испанцы, тряситесь-ка сами,
Ветер строптивый ловя парусами.
Ваши пути — цель морского разбоя
Грозных пиратов Карибского моря.

Много сокровищ, хватай хоть лопатой,
С ваших армад разгрузили пираты.
Сколько судов «Золотого» мы «флота»
Взяли «призами» на водных охотах!

Всё для Тортуги — пиратской республики,
Для разношерстно-свободной здесь публики,
Где прожигается жизнь и богатства
Вольных людей флибустьерского братства.

Тортуга (исп. Tortuga — черепаха). Небольшой остров, быв-

ший основной базой пиратства в Карибском море в XVII веке. Остров привлекал пиратов всех мастей, включая индейцев и африканцев.

Пуэрто-дель-Рей (исп. Puerto Del Rey – королевский порт) – название самой крупной гавани на Тортуге. Современное название – бухта Бáстера.

Флибустьеры (голл. Filibusters – вольные добытчики) – пираты Карибского моря и Мексиканского залива.

Ля-Рош (фр. La Roche – скала) – форт, защищавший вход в бухту Бастера.

«Золотой флот» – для защиты от пиратства, суда, вывозящие драгоценности из Америки, объединялись в так называемый «Золотой флот», который шёл в Испанию под мощным прикрытием военных кораблей. Но из-за штормов, туманов и прочих неурядиц, от караванов отбивались суда, полные сокровищ, становясь «призами» для пиратов.

ЛЕГИОНЕР-НАЁМНИК

Легионер я, пёс войны,
Текущим днём давно живущий.
О прошлом даже видеть сны
Я перестал в годах минувших.

Забыта Родина моя
И дом родной, само собою.
Теперь за тех сражаюсь я,
Кто платит звонкою деньгою.

Атаки, штурмы, грабежи —
Вот смысл нынешней работы.
Эй, наниматель, прикажи
Убить — убью кого угодно!

Разрушить город, храм, собор
И сжечь деревню по дороге —
Не грех совсем и не позор,
Когда за это платят много.

Войне одной давно я верн,
До гроба ею в плен захвачен.
Наёмник я, легионер,
Несущий смерть солдат удачи.

ЧА́КСКАЯ ВОЙНА

За земли Гран-Ча́ко — за земли пустынные,
За выжженный солнцем заброшенный край,
Недавно войска государства Боливии,
Сражаясь, проникли в страну Парагвай.

Устроилась бойня — война вам не пряники...
А деньги в войну, на людей наплевав,
Вносили две фирмы нездешних нефтяников
Из двух удаленных от бойни держав.

Шепнули на ушко им, как-то, геологи,
Что нефти, скорей всего, в Ча́ко полно.
А нефть, это сладкое «чёрное золото»,
И пить его с кем-то нельзя заодно.

И фирма одна подтолкнула Боливию
К боям за пустыню: «Вперёд! Нападай!»
Вторая сказала: «Давай-ка осилим мы
Боливию вместе с тобой, Парагвай!»

Война оказалась не очень-то длинная.
Три года всего. Победил Парагвай.
И земли сумел захватить он пустынные,
Тот самый, заброшенный, выжженный край.

И начались поиски «чёрного золота».
Вгрызались копатели в дебри земли.
Но всё бесполезно. Ошиблись геологи.
И нефти в Гран-Чако, увы, не нашли...

Между Боливией и Парагваем находится пустынное плато

Гран-Чако. Оно было до того никому ненужным, что по ней даже граница не проводилась. В 1928 году появились слухи, что в Гран-Чако, возможно, есть нефть. Нефтяной рынок в Латинской Америке в те годы делили между собой компания США «Стандарт Ойл» и британская «Шелл». Боливия казалась намного мощнее Парагвая. Чтобы захватить монополию в Гран-Чако, «Стандарт Ойл» начал снабжать Боливию кредитами, оружием и подталкивать к войне с Парагваем. «Шелл», в свою очередь, делал тоже самое с Парагваем. В результате с 1932 по 1935 годы длилась Чакская война, в которой победил Парагвай и захватил почти всю территорию Гран-Чако.

К концу войны обе страны были истощены финансово и морально, с большими человеческими потерями.

Но нефть в Гран-Чако в 20 веке так и не нашли. Её выявили лишь в 2012 г., но так глубоко, что и нынче добывать её нерентабельно. Как итог, пустыня как была ненужной раньше, так ненужной никому и осталась до сих пор.

Чакская война считается самой кровопролитной войной 20 века в Латинской Америке.

НА ДНЕ ОКЕАНА

Беспокойно ведёт — и ведёт постоянно
Круглосуточный ход он по дну океана.
Сверху давит вода, снизу ила ошмётки
Замедляют шаги до нетвёрдой походки.

Вечность-даму себе взяв попутчицей верной,
Он упрямо бредёт далеко век не первый.
Потерял сапоги, шляпу крабы объели —
Из одежды штаны да камзол уцелели.

По пути у него то мелькнёт барракуда,
То оскалится хищно мурена — паскуда,
То гигантский кальмар «клешни» вытянет к шее,
То прилипнут к плечам волоски цианеи*.

Но ему ни по чём даже скаты с угрями —
С ними проще, чем там, на земле с королями.
С ними проще... Но всё же домой постоянно
Он желает вернуться со дна океана.

Он желает туда, где открытый есть воздух,
Где за стол можно сесть и под солнцем обсохнуть,
Где огонь есть в печах, где разносятся звуки
От людей и ветров, от зверья и пичуги.

Он шагает по дну — отыскать ему надо
Тридцать пять человек затонувшей команды,
Тридцать пять человек смытых в шторм
с каравеллы.
Он отыщет их всех — завершит своё дело.

А потом они вновь каравеллу отстроят,
Слава богу на дне каравелл мокнет море.
И корабль опять с экипажем взметнётся
В мир, где воздух густой, где есть ветер и солнце.

И помчится к земле вновь под парусом белым,
Словно птица, легко, по волнам каравелла!..
Это будет потом, а сейчас ему нужно
Здесь, на дне отыскать всех друзей затонувших.

Бродит он под водой день и ночь, постоянно,
Мимо хищных акул и мурен окаянных.
Сапоги потерял, ил под пятками тёртый
Замедляет шаги до походки нетвёрдой...

*Цианея – относится к медузам, диаметр купола может достигать 2 м, длина – до 36 м. Щупальца, внешне похожи на волоски, усажены полипами, содержащими токсичные вещества. В случае попадания на кожу, яд вызывает сильную аллергию с появлением болезненных симптомов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рассвет	3
Беседка	4
В ночь, вразвалку иду... ..	5
Ни мысли, ни слова... ..	6
Старенький дом	7
Стол	8
Предвестник скорой стужи	9
Листок	10
Идёт воскресенье	11
«Не так давно уснула ночь...»	12
«Хворост пылает, над ним котелок...»	14
Опять я в дороге!	15
Штрихпунктирная строчка	16
«Среди бегоний и жасминов...»	17
«Рубежей нет! Повсюду воля!...»	18
На жизненные чудеса	19
Дракон	20
Творцы	22
По исторической спирали	23
Время и возраст	24
Соломинка в стогу иголок	26
Отжившие эры служения людям	27
Сорняк	28
Электрик Вселенной	29
Одна лошадиная сила	30
Посвящение очкам	31
В страну прекрасных Аэлит	32
Космонавт	33
Как здорово, что существуют фантасты	34
Работаю я дирижаблеводителем	35
В постпотопной эре новой... ..	36
Гитара и шапка	38
Отражение	39

А на утро родился стих...	40
Самым лучшим на свете призом	41
Упала звезда...	42
Цена не имеет значения	43
Будет всё наше!	44
«Он на встречу придёт, он обнимет её...»	45
«Свистит вихрастый ураган...»	46
Знай!	47
Не прячься от меня, моя звезда...	48
«А меня ты любишь точно?...»	49
На другом берегу весна	50
«Нет в ней прежнего счастья...»	51
Молчи...	52
Эфир молчит...	53
Вечер, парк, шелестит берёза	54
Учебник колдовства	55
Мавр выполнил дело...	57
К чему стремиться...	58
Жду свою русалку	59
В ночь черничного цвета	60
Навигатор	61
Надо согреться!	62
«Никотином убью я табун лошадей...»	63
Отпустите меня...	64
А было время золотое...	65
«Холодно так, что не чувствую ног...»	66
Перед началом рабочего дня	67
День тюленя	68
Отпуск!?!..	70
Аривидерчи!	72
Верхняя полка в плацкартном вагоне	73
«Округлив зрачками взор...»	74
«Не смотря на формы и объёмы...»	75
«Пускай во сне, не наяву...»	76
Для кого мы живём...	77

Мама	78
Когда есть корни... ..	80
Друг, спой мне песню... ..	81
Для кружки и блюда	82
Голубка	83
Лето в шашлычной	84
Непогода... ..	85
«Выскочили к озеру...»	87
«Муха бьётся в паутине...»	88
Не убивайте пауков!	89
Вулкан	90
Сокол вылетел на охоту	91
Для новой книги	92
Из солидарности к тебе... ..	94
Нету или нет?	96
Новый дом	97
День ворон	98
Ночь и море	99
В лабиринте тягучих снов	100
Цвет «Клубники спелой»	101
«На волнах технологий разветвленных...»	102
В этом году лета больше не будет!	103
«В день осенний, мрачно чёрствый...»	104
«Сядь у стола. Под лёгкие щелчки...»	105
Поэты — люди настроения	106
Нет крупней на земле болота	107
Остров Сейбл	109
Корона	110
От стен Китеж-града до стен Аркаима	111
Смерть Ганнибала	114
Дал Риáда	117
Сйгтуна	118
4-й Крестовый поход	120
Ассасины	122
Золотая Орда	124

Эльза и Лоэнгрин	125
Если стучит в колотушку...	126
На стареньком струге	127
Тортуга	129
Легионер-наёмник	131
Ча́кская война	132
На дне океана	134

Вячеслав Сазанович

Отражение
Поэтический сборник

Дизайнер обложки Вячеслав Сазанович